

Один из зимних черняховских вечеров. Снежная каша, лужи, с мрачного неба то ли снег, то ли дождь. Это наша прибалтийская зима. В такую-то погоду особенно комфортно чувствовать себя в уютном теплом кафе, где много музыки, веселья, богатый стол и интересные гости. И это все в тот вечер происходит по случаю 70-летия мужчины - папы, дедушки и просто старожилы Черняховска. Так-то постарались его дети и близкие, все продумали, организовали для своего папы, несмотря на все его отнекивания. Теперь уж куда деваться, и папа старался соответствовать своей роли – был весел, остроумен, а в танцах молодым и интересным. Супруга юбиляра несколько не уступала своему «принцу», а тема их любви с 40-летним стажем неизменно присутствовала на этом вечере. Вокально-инструментальная группа из областного центра умело меняла свой репертуар с песен народных на цыганский фольклор, а в перерывах из музыкального центра звучала песня из дней их раннего знакомства в исполнении Пугачевой «Ясные светлые глаза». Тут же пришлось им прилюдно вспомнить и сам факт их знакомства, совсем неромантичного, а, может, и наоборот, это уж как посмотреть. Было дело, не хватило водки, поехали с товарищами в сельский магазин за добавкой, и тут видит наш герой, что рядом с заведующей молоденькая девочка, продавец и ух! что-то екнуло: «Какие у вас ясные светлые глаза». Девочка поспешила в подсобку.

- Тамара, - окликнула заведующая.

- О! Тамара?! – воскликнул молодой человек, а про себя уже все решил. Это имя не раз

уже звучало в его жизни, а теперь – судьба!

Между тем вечер продолжался, и в паузе для поздравлений одна из гостей в порыве чувств назвала юбиляра человеком из 19-го века, и что таких сейчас нет...

«Да, что-то такое про себя я уже слышал», - подумал мужчина и вспомнил девочку, звали ее Тома. Это она впервые сравнила его с одним из литературных героев 19-го века. Ее родители часто гостили у его родителей. В то время у них часто собирались гости, причем люди интересные, веселые и открытые. После недолгого застолья стол сдвигали, и начинались танцы под грампластинки: «Оборванные струны», «Амурские волны» и другие популярные танцевальные мелодии того времени. Чувствовалось, как в первые послевоенные годы люди соскучились по мирной жизни.

«Как у них тут все просто и хорошо», - восхищалась Тома в разговоре со своими родителями, только при этом умалчивая, что и мальчик хозяев тоже понравился. Да и мальчик сначала поглядывал на белокурую девочку, и, кажется, готов был уже влюбиться, но шло время, мальчик пошел работать на предприятие, появлялись новые знакомые, в том числе и новые девочки. Они же и среди гостей домашних праздников. Так его первые чувства не переросли в любовь, а девочка загляделась и до более глубоких чувств, но, видя в дальнейшем его этакое равнодушие к ней, флегматичность, в сердцах выпалила: «Да что ты из себя Печорина строишь?!». А далее уже, спустя годы, совсем нехорошо вышло. Тома была готова с ним уже на все, но это все мимолетное случилось у него тут же с ее подругой, кстати или не кстати оказавшейся в тот час где-то рядом с ними.

70-летний юбиляр, как и все, имел обычное имя и фамилию, но чаще всего в последнее время его называли: «О, Вальдемар, привет! Как жизнь молодая?». Так приветствовали его знакомые. И вот она, жизнь молодая, перевалила за 70. Вальдемар нередко вспоминал: «Помню, как мама говорила, что эти встречи гостей в нашей городской квартире были лучшим периодом жизни». И тут он еще вспомнил: «Были новые гости, а с ними миловидная девушка, звали ее Маша, и как зажгли мы с ней твист под появившуюся новую грампластинку. И этот момент, как диссонанс всего вечера, очаровал моих родителей. И это при том, что для них ближе совсем другая культура, а все новомодное они обычно называли стилягами. Но как же мы в молодости порой недопонимаем своих родителей!». А вот в Машу молодец влюбился потом по-настоящему. Как сказал бы поэт: «Так искренне, так нежно». Но он еще и другое говорил, перефразируем его: «Чем больше девушек мы любим, тем меньше нравимся мы им», что, в общем-то, потом и доказала жизнь. И настал момент, когда от этой любви хотелось провалиться куда подальше. И здесь помог статут областного центра, как морского рыбопромыслового. Уйти в море далеко и надолго – чем не лекарство от несчастной любви для наивного юноши? И закрутилось... Поначалу было много трудов и хлопот, чтобы устроиться в траловую контору и, наконец-таки, получил он направление на судно, которому предстоял рейс к берегам Северной Америки аж на полгода. Как же все романтично и интересно! И мир посмотреть, да и денег больших заработать...

...Заканчивался юбилейный вечер. Среди приглашенных были как близкие, очень

близкие, так и, по правде сказать, даже малознакомые юбиляру, и, тем не менее, все оказалось настолько удачно и хорошо, что даже персонал кафе отмечал, что такого вечера у них никогда не было, и добавляли: «И не будет!». А та белокурая девочка Тома, если бы была, то наверняка сказала бы: «Как у них все просто и хорошо!».

Человек может прожить и 70, и более лет, но главное воспоминание – это молодость, когда годы текут медленно, а жизнь кажется бесконечной. Теперь же Вальдемар вспоминает о прошлом и, о Боже, все больше негативные картинки скребут на душе. Вот только малые доли этих негативов:

- Зачем молоденьких девочек легкомысленно влюблял в себя, доставляя потом и горечь переживаний и обид;
- Зачем целовался с артисткой шапито в присутствии ее мужчины;
- Зачем мужичка обидел.

С мужичком – это в областном центре случилось поздним вечером, в шальной компании, где все были изрядно подвыпившие. Как все началось, Вальдемар не видел. Но, как потом рассудил, незнакомый мужчина, возможно, после скандала с женой или еще какого стресса, взял бутылку водки и хотел кому-нибудь душу излить. Тут молодая компания, он к ней, и в результате бутылку отобрали, а его самого послали. Человек оскорбился, достал нож. Собутельники растерялись, в том числе и бывший зэк, что отнимал водку. Вальдемар по жизни ощущал себя довольно робким, но иногда, как и сейчас, оказался самым уверенным в себе и со словами «Брось нож» пошел на мужика. Сильно ударил его ногой в живот, после чего тот просто сбежал. Спустя же некоторое время и уже в спокойной обстановке собутельники в ярких красках рассказывали об этом, как о собственном героизме.

А вот что касается артистки цирка шапито, так это тот же проходимец-зэк какими-то путями пробрался к гастролерам за кулисы и друга с собой взял. Выпивали, как обычно, балакали, и видит Вальдемар, что запала на него московская артистка, страсть ею воспылала, и, не выдержав, она долгим поцелуем наградила молодца, из-за чего потом где-то в стороне от всех здорово поплатилась от своего законного. Так молодой человек, вольно или не вольно, ощутил и свою вину в их семейном разладе. Но это все было до первого выхода в моря и океаны. А это уже новый этап его молодой жизни.

Не прошло и полгода, как Вальдемар снова оказался на берегу. В первые дни после шести месяцев качелей по волнам было несколько непривычно и некомфортно, как в песне «моряк вразвалочку сошел на берег». Родные, что были категорически против его морской эпопеи, теперь рады были видеть сына, возмужавшего и счастливого после удачного рейса. Тут же к месту и подарки из далекой Канады: растворимый кофе, консервированные ананасы, все то, чего здесь у нас практически не было. Все это житейское, а молодой человек, по жизни мечтатель и философ, очень соскучился по всему земному, а тут как раз весна в разгаре. Вальдемар с ранней юности имел такую слабость философски-лирического созерцания. Сядет, бывало, в скверике на лавку в

теплый солнечный день, поднимет глаза к небу и предается такому наблюдению: облака, постоянно меняющие свои очертания, проплывают по голубому небу, тут же листва верхушек тополей мерцает и шелестит от легкого ветра, и его мысли о миге и вечности также бегут вместе с облаками и листвой, отмечая про себя: «А ведь этот миг в этой бесконечной вечности никогда и нигде не повторится, даже за миллиарды лет после сего момента».

Так однажды в ожидании каких-то дел сидел он в управлении рыбного порта, созерцал, мечтал и мыслил, как обычно. Но тут...

- О чем размышлялся, моряк? – вернул его к жизни знакомый голос.

- А, это ты, Женя? Да вот соскучился по земному раю. А ты, похоже, домой во Львов к любимой собрался?

С Женей они вместе на одной операции работали по упаковке готовой продукции. Сам он из Львова и на промысле в море много рассказывал о доме, о жене своей – бывшей однокласснице, как у них все завязалось, как в гости ходят к своей бывшей учительнице.

- Да все так, расчет получил, отгулы оформил, теперь домой.

- И колготки заграничные не забудь!

Это когда они заходили в Канадский порт Сент-Джонс, выходили всей командой на берег в городок, и Женя был озабочен подарком.

- Да что ты! Нет колготок! Проституткам колготки отдал.

- Да как же ты так, Женя?

- Да вот так, трое суток у них кутил!

Темнело. Поздним летним вечером из ресторана «Москва» выходили посетители этого злачного заведения. Кто-то сильно пьян, кто-то не очень, а кто и вообще культурный интеллигент. Вот вышла и парочка: высокий молодой человек и девушка с крашеными рыжими волосами. Пошел небольшой дождик, и молодой человек заботливо накрыл спутницу своим пиджаком, на что та сказала ему, как показалось, нечто неприличное. Они поймали такси и, проехав пару кварталов, остановились у серого дома довоенной постройки. Молодой человек быстро расплатился с таксистом, при этом изрек: «Сдачи не надо».

- Ого, какие хоромы! – произнес посетитель, оказавшись в квартире.

- Ладно тебе, хоромы. Давай сигаретку, курить охота.

Достали сигареты «Столичные», водку «Столичную», выпили по наперсточку,

разговорились.

- Как ты в море-то попал? – знала она, что жителю Калининграда было сложно туда устроиться.

- Точнее, как я попал в этот рейс? – отвечает парень. – Я уже не должен был там быть, заболел не вовремя, а когда пришел на судно после болезни, было уже поздно, команду набрали без меня. Помог случай. Друг там у меня был, Петя Саун, и я толкался около него, надеялся еще на что-то. А там, как обычно, собирались, выпивали, и я с ними. А тут гитара откуда-то взялась, и хоть гитарист я был никакой, но под хмельком «сбацал» тюремную песню про Колыму, чем довел одного старшего товарища до слез. «Все, я тебя устрою матросом и будешь со мной в одной каюте жить».

Дальше парень не стал рассказывать, а подумал, что все же огорчил своего спасителя уже будучи в рейсе. А все опять по пьяному делу – тот полез драться на его друга Петю. Пришлось заступиться и, естественно, выслушал в свой адрес немало нелестных слов. Потом не раз в этом рейсе приходилось разнимать других конфликтующих.

- Ты так говоришь все правильно, как будто слов некрасивых не знаешь! – неожиданно девушка сменила тему.

- Не слыхала ты меня, когда в рейсе дверью пальцы чуть не откусило, - ответил недавний матрос, вспоминая как при сильной качке железная дверь захлопнулась, придавив при этом кисть его руки, не к месту ухватившуюся там, где не надо. От боли и обид матрос кричал столько матерных слов, сколько не произнес за всю будущую жизнь. Этот кричащий вокал услышал технолог, посочувствовал и сменил его на рабочем месте другим матросом.

Тут вдруг молодой человек стал торопиться. Она посмеялась, глядя, как он раздевается. А для него же она сейчас была лучшая из всех женщин, и он осторожно поцеловал ее в щечку.

- Странный ты какой, - тихо, почти шепотом проговорила она.

И был вечер, и была ночь, и было утро. И не знала она, спала или не спала. Какие-то мысли одолевали ее, не давали прийти к обычному душевному равновесию, когда «все просто и ясно, когда «мужики все сволочи, гады и кобели, да и этот такой же», пыталась она убедить саму себя. А тут некстати вспомнились школьные годы, уроки литературы, где герои романов будоражили взрослеющие девичьи сердца. Девчонки собирались у кого-то из подруг в квартире, якобы готовить домашнее задание, и при этом:

- Да в нашем классе все мальчишки симпатичные, - утверждала Света.

- А у Чаги глаза красивые, - утверждала Наташка.

И каждая в тайне примеряла того или иного мальчика, как своего рыцаря вожделения.

«А что было дальше? Ах, что было: выпускной бал, немного алкоголя, мальчик такой же под алкоголем и без меры настойчивый, якобы любит на всю жизнь, нашептал, наобещал, поматросил и бросил. А потом другой такой же, и всем им надо только это, кобели проклятые! Ну и пусть, и раз так, имею с них за все за это и буду дальше иметь!»

И много мужчин она познала, и об этом как будто не жалела, и уж точно не позволяла себе слабнки в этом. И тут вдруг принес ей черт этого «да такого же, как все», опять убеждала она себя.

Между тем он уже оделся. Она отрешенно наблюдает за ним, на секунду представив себе мужа, которого она проводила утром на работу, а вечером будет встречать свежим ужином в элегантном домашнем халате.

Между тем он подошел, наклонился и поцеловал ее в губы, она сдержала себя от нахлынувших, давно забытых чувств, и лишь когда дверь закрылась, произнесла, как будто из того недавнего прошлого: «Печорин...»

Ох уж эти дети! Не дают спокойно доживать свой преклонный возраст. Спустя полгода после своего юбилея они устроили своего папу в многопрофильную больницу областного центра, наверное, заботясь о следующем юбилее. В одной стороне довольно многоместной палаты собрались пациенты, как будто в клуб тем, кому за 70. Это и Анатолий, бывший боксер, постоянно державший в руках мобильник, находясь в состоянии ступора. Он никак не мог в нем разобраться, хотя сын его, ежедневно приходя, говорил, что здесь и знать-то надо всего две кнопки. Чуть поодаль лежал бывший спортсмен-велосипедист, 76-летний Александр. Обычно он не вступал в дискуссии, все больше спал, но когда разговорится, то не остановить. И, пожалуй, самый колоритный – известный в городе хореограф, танцор, интересный собеседник и просто хороший человек, 80-летний Салават Григорьевич. Когда у него поинтересовались, справляется ли он в интимном плане, он мгновенно оживился: «А как же!». У Салавата был свой рецепт молодости и долголетия – ежедневный прием в течение одной минуты холодной ванны. Попал он сюда с обыкновенным аппендицитом.

Как-то в одной из частных бесед Анатолий услышал от Вальдемара, что тот за всю жизнь не изменил своей супруге.

- Как? Ни разу?! – переспросил он и вошел в ступор, как при попытке разгадать мобильный телефон.

«Да, правда, как же это я», - усмехнулся про себя Вальдемар, и опять всплыли воспоминания молодости. Так когда-то его однокурсник по вечернему факультету, сам разбитой во всех отношениях, заглядывая ему в глаза и читая в них небогатый сексуальный опыт, удивлялся: «Не понимаю, как можно так жить, никого не иметь?!». Тут же вспомнилась и миловидная супердевушка, опять-таки Тома, которую Вальдемар боготворил и с которой как-то оказался на молодежной свадьбе, ночевали все вместе на полу и они с ней тесно прильнули друг к другу. Однако, надо же, не допуская и мысли об этом... Да, действительно, как же он мог так? Но и эта любовь не сложилась. И уже от

нее потом он спасался, уйдя в армию. Пришел в военкомат, отказался от всех отсрочек и решил подвести черту всей той жизни, где «Все не так, да все не так, как надо»...

- Ну что, Печорин, - обратился пациент к себе самому. – Залежались мы здесь, давай-ка договоримся с медперсоналом, слетаем на выходных до дому. Там Томочка пирогов напечет, да и вообще я соскучился.

Александр Чигида